

УДК 159

DOI: 10.26795/2307-1281-2017-3-17

Е.Н. ВОЛКОВА¹, И.В. ВОЛКОВА¹

¹*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия*

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНОГО РЕАГИРОВАНИЯ ПОДРОСТКОВ НА СИТУАЦИЮ БУЛЛИНГА

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь традиционных форм буллинга в школьной среде и кибербуллинга. Предполагается, что кибербуллинг является способом реагирования на ситуацию буллинга в школе. В исследовании приняли участие 717 подростков от 11 до 18 лет – учеников общеобразовательных школ Нижнего Новгорода. Оценка буллинга и кибербуллинга проводилась при помощи опросника, разработанного Д. Олвеусом. Приводятся данные о распространенности буллинга и кибербуллинга. Результаты исследования показывают, что участники буллинга (обидчики, обидчики-жертвы и жертвы) чаще становятся жертвами и обидчиками в ситуациях кибербуллинга. Наибольшему риску стать как обидчиком, так и жертвой в киберпространстве подвержены обидчики-жертвы, то есть подростки, которые выступают обидчиками в одних ситуациях, но являются жертвами буллинга в других. Также обнаружено, что почти вдвое больше подростков назвали себя жертвами кибербуллинга, чем обидчиками.

Ключевые слова: кибербуллинг, подростковый буллинг, социальное реагирование

E.N. VOLKOVA¹, I.V. VOLKOVA¹

¹*Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen, St. Petersburg, Russia*

CYBERBULLING AS A METHOD OF SOCIAL ADDRESSING TEENAGERS ON THE BULLING SITUATION

Abstract. Current article is dedicated to connection between traditional forms of bullying and cyberbullying. It is suggested that cyberbullying is a social response to bullying situation at school. Research sample numbers 717 adolescents of 11-18 ages, who are students of secondary schools in Nizhny Novgorod. Bullying and cyberbullying were assessed with D. Olweus Bully/Victim Questionnaire. The results section contains the data about scale of both bullying and cyberbullying. It was found that active bullying participants (bullies, victims and bully victims) are more likely to become victims and bullies in context of cyberbullying. Risks of becoming victims and bully is the highest for bully-victims, i.e. adolescents who behave as bullies in some situations and are victims in others. In general, adolescents revealed to be victims of cyberbullying twice more often than to be cyberbullies.

Keywords: cyberbullying, adolescent bullying, social response.

Введение

В 2015 году Международная ассоциация детских телефонных линий (Child Helpline International) зафиксировала свыше 16000 обращений детей за помощью по поводу кибербуллинга [9]. В докладе той же ассоциации, сделанном в Европарламенте в 2013 году, кибербуллинг был назван причиной обращений в 7% случаев. В исследовании, выполненном российскими учеными в рамках проекта EU Kids Online II Фонда развития Интернет [5], показано, что около 10% детей подросткового возраста стали жертвами кибербуллинга. Эти и другие статистические данные (например, данные Центра исследований кибербуллинга [15]) показывают, с одной стороны, вариации значений распространённости кибербуллинга, с другой – тенденцию увеличения частоты кибербуллинга среди подростков.

Одной из актуальных задач изучения кибербуллинга, особенно в аспекте разработки программ его предотвращения и программ организации помощи жертвам, является задача определения кибербуллинга как научной дефиниции и раскрытия его сущности в разных возрастах.

Одно из часто используемых определений обозначает кибербуллинг как агрессивные, умышленные, продолжительные во времени действия, совершаемые группой лиц или одним лицом с использованием электронных форм контакта и повторяющееся неоднократно в отношении жертвы, которой трудно защитить себя [17]. В этом определении постулируются общие для любого насилия признаки: умышленность (намеренность) нанесения вреда и многократность насильственных действий.

Действительно, кибербуллинг имеет много сходных черт с «традиционными» формами буллинга. Ситуация насилия в обоих случаях отвечает и базовому определению понятия «буллинг» [13], то есть включает в себя неоднократную демонстрацию жестокости с целью нанесения вреда жертве при соблюдении неравенства сил между обидчиком и жертвой [11]. Кроме того, кибербуллинг также, как и буллинг, сопровождается негативными переживаниями жертв.

Подростковым буллингом можно называть неоднократное умышленное нанесение вреда одним подростком или группой другому подростку, который в данной ситуации оказывается не способным себя защитить и лишен возможности её покинуть [2]. Умышленность (намеренность) нанесения вреда одним подростком или группой подростков другим детям предполагает осознание обидчиками ненормативности своего поведения и одновременно его целенаправленного характера с возможным пониманием причин и последствий ущерба. В ситуации буллинга дети-жертвы и часто дети-свидетели буллинга не имеют возможности самостоятельно покинуть угрожающую ситуацию, преследования носят характер повторяющихся действий и определяют контекст жизни ребенка. Это важно не только в случае непосредственных агрессивных действий в школе или на улице, но и в ситуации кибербуллинга. Отличительной особенностью буллинга является желание обидчиков контролировать ситуацию и поведение жертвы. От ситуативной агрессии буллинг отличается неоднократностью, намеренностью унижений и желанием обидчика доминировать, чтобы укрепить свое положение в группе. Как и в других видах насилия, жертва оказывается бессильна сопротивляться и плохо контролирует ситуацию. Эти особенности присущи всем видам (физическому, социальному и вербальному) и формам (лицом к лицу, в виртуальном пространстве) буллинга. Следует подчеркнуть, что разрушительные для развития личности последствия подросткового буллинга присущи не только жертвам, но и обидчикам, и свидетелям буллинга.

Однако кибербуллинг имеет и ряд значительных отличий. Так, в ситуации кибербуллинга у обидчика сохраняется относительная анонимность, а свидетелями насилия становится более широкая аудитория, которая имеет доступ к размещенной информации [10]. Тревога жертвы усиливается, так как она не может определить, откуда и кто на неё нападает. Кроме того, анонимность может стать причиной возникновения у обидчиков феномена растормаживания – вседозволенности в отсутствии угрозы наказания [1]. В случае кибербуллинга насилие не ограничено во времени и пространстве и может произойти в любой момент [18]. Отсутствие непосредственного контакта обидчика и жертвы может приводить к искажению обратной связи, причем участники коммуникации могут и не догадываться об этом [1]. Коммуникативная опосредованность кибербуллинга особенно существенна, если речь идет о подростковом возрасте.

Известно, что в подростковом возрасте общение и взаимодействие с другими людьми – их содержание, смысл, формы – имеют чрезвычайное значение. Во-первых, общение – это очень важный специфический канал получения информации об окружающем мире, других людях, самом себе; во-вторых, это способ идентификации себя в разных сферах

человеческой деятельности и взаимоотношений; в-третьих, общение для подростка и в особенности общение со сверстниками – это богатый источник эмоциональных переживаний различной модальности и содержания. Утвердившимся положением психологии является признание общения ведущей деятельностью подростка, в рамках которой формируются основные личностные новообразования подросткового возраста [6; 7]. Центральным и специфическим новообразованием в личности подростка является возникновение у него представления о том, что он уже не ребенок – чувства взрослости. Действенная сторона этого представления проявляется в стремлении быть и считаться взрослым. Место, которое занимает подросток в системе социальных отношений, роль, которую он играет в обществе сверстников и взрослых, значимость и ценность для окружающих людей составляют основное содержание переживаний в подростковом возрасте. Активность подростка направлена на перестройку системы отношений между ним и средой, прежде всего, в социальном смысле [3]. Основываясь на исследованиях психологии подростков, мы предположили, что буллинг (и кибербуллинг) в подростковом возрасте представляют собой способ социального экспериментирования, опосредованный особенностями личностного развития подростка, но имеющий преимущественно социальную детерминацию. Характерные для подростка стремление к независимости, самостоятельности, желание самоутвердиться находят в буллинге (и кибербуллинге) возможности и конкретные формы проявления, которые наиболее адекватны и релевантны состоянию ближнего и дальнего социума. Постепенное определение своей роли и позиции в буллинге, овладение способами нанесения ущерба и овладение навыками контролировать свои агрессивные устремления или выражать их в формах, приемлемых в рамках данной культуры, можно назвать по аналогии с феноменом социализации агрессии социализацией буллинга.

Методика исследования

Целью нашего исследования было изучение кибербуллинга как способа социального реагирования подростков на ситуацию буллинга.

В исследовании приняли участие 717 учеников общеобразовательных школ Нижнего Новгорода в возрасте от 11 до 18 лет. Согласие на участие в исследовании дали педагоги, дирекция школы и родители учеников. Исследование проводилось в рамках проекта РГНФ №15-06-10575 «Исследование личных и средовых детерминант подросткового буллинга». Проект одобрен Этическим комитетом Санкт-Петербургского государственного университета.

Распространенность буллинга изучалась при помощи опросника, разработанного Д. Олвеусом [14]. Опросник включает в себя 38 утверждений, описывающих опыт переживания насилия со стороны жертвы и обидчика или особенности отношения к ситуации буллинга. Распространенность буллинга оценивалась, исходя из совокупности ответов испытуемых на те вопросы, где речь шла о частоте переживания или совершения конкретных видов буллинга. Поскольку определение буллинга предполагает неоднократность или периодичность агрессивного поведения, уместно рассматривать этот вид насилия в контексте поливиктимизации. Поливиктимизация предполагает, что переживание нескольких эпизодов одного вида насилия (например, физического) или нескольких эпизодов нескольких видов насилия (например, физического и психологического) усугубляет травму ребенка. Поэтому, идентифицируя жертв буллинга, мы считали таковыми не только тех, кто чаще 2-3 раз в месяц сталкивался с одним видом буллинга (например, жертву регулярных насмешек), но и тех, кто 1-2 раза за 2 месяца переживал несколько видов насилия (например, был жертвой и насмешек, и физических издевательств). Обидчики определялись по такому же принципу. В соответствии с предыдущими исследованиями была выделена категория обидчиков-жертв, в которую попали те, кто был обидчиком и жертвой. Свидетелями буллинга мы считали тех, кто не был ни обидчиком, ни жертвой, но при этом видел, как совершают насилие над другими.

Education Psychology

Неучастниками буллинга мы считали тех детей, которые не попали ни в одну из категорий и ответили, что никогда не совершали, не переживали буллинг, не видели, как это случалось с другими детьми в школе. Идентификация участников кибербуллинга проходила по общей схеме, маркером роли в кибербуллинге выступала осведомленность о количестве способов кибербуллинга, используемых подростками.

Данные подвергались частотному анализу. Распределения в контрастных группах сравнивались при помощи χ^2 Пирсона. Использовался статистический пакет IBM SPSS Statistics 22.0.0.0.

Результаты

Распространенность буллинга

Исследование выявило, что в той или иной форме 68,6% детей являются участниками буллинга в школе. 31,2% являются свидетелями, 22,2% – жертвами, 6,3% – обидчиками и 8,9% – обидчиками-жертвами (таблица 1).

Таблица 1 – Распространенность буллинга в школе

Участник буллинга	Частота	Проценты
Неучастник	224	31,2
Жертва	159	22,2
Обидчик	45	6,3
Обидчик-жертва	64	8,9
Свидетель	224	31,2
Всего	716	99,9
Системные	1	,1
Всего	717	100,0

На распределение участников буллинга оказывает влияние фактор пола. Так, среди девочек несколько больше свидетелей, а среди мальчиков больше обидчиков и обидчиков-жертв (см. таблицу 2; $\chi^2 = 25,845$ ($p < 0,001$)). Это может быть связано со стремлением девочек к более конформному поведению, что приводит их к относительно пассивной позиции наблюдателей, которые фактически не вмешиваются в ситуации насилия. Мальчики же более активны и могут ответить агрессией на обиду, поэтому значительно чаще становятся обидчиками-жертвами.

Таблица 2 – Распределение участников буллинга по полу

Пол		Участник буллинга					Всего
		неучастник	жертва	обидчик	обидчик-жертва	свидетель	
ж	Кол-во	113	77	18	16	133	358
	%	31,7%	21,6%	5,0%	4,5%	37,3%	100,0%
м	Кол-во	111	89	27	48	91	364
	%	30,9%	22,8%	7,5%	13,4%	25,3%	100,0%
Всего	Кол-во	224	159	45	64	224	722
	%	31,3%	22,2%	6,3%	8,9%	31,2%	100,0%

Распространенность кибербуллинга

На вопрос «Как часто за последние 2 месяца тебе присылали обидные сообщения, картинки, звонили или использовали иные способы через твой телефон/интернет (компьютер)?» 615 человек (85,8) ответили, что такого не случалось, 63 (8,8%) сообщили, что такое было только 1-2 раза, 28 человек (3,9%) ответили, что такое с ними происходило не реже, чем 2-3 раза в месяц. На вопрос «Как часто за последние 2 месяца ты посылал другим

детям обидные сообщениями, картинки, звонил или использовал другие способы через телефон/интернет (компьютер)?» 643 человека (89,7%) ответили, что такого не случилось, 24 (3,3%) ответили, что это происходило 1-2 раза, 25 (3,5%) ответили, что это происходило не реже, чем 2-3 раза в месяц.

Иными словами, кибербуллинг, предполагающий неоднократность совершения насилия и частотность не реже 2-3 раз в месяц, переживали 3,9% опрошенных, а обидчиками выступали 3,5%. По традиционным ролям в ситуации буллинга выделяют неучастников, жертв, обидчиков и обидчиков-жертв. В ситуациях кибербуллинга в нашем исследовании 644 человека (89,8%) являются неучастниками, 18 человек (2,5%) жертвами, 15 (2,1%) обидчиками и 10 (1,4%) обидчиками-жертвами.

Таблица 3 – Распространенность кибербуллинга

Участник буллинга	Частота	Проценты
Неучастник	644	89,8
Жертва	18	2,5
Обидчик	15	2,1
Обидчик-жертва	10	1,4
Всего	687	95,8
Пропущенные	30	4,2
Всего	717	100,0

Далее респондентам предлагалось ответить, каким образом они или над ними совершалось насилие, выбрав один или несколько возможных способов: звонок телефона, СМС или ММС, через социальные сети, по электронной почте или через форумы. Интересно, что при ответе на этот вопрос значительное число респондентов в сумме отметили, что кибербуллинг часто происходит в социальных сетях и форумах (таблица 6), причем соответствующие числа для подвергавшихся насилию и обидчиков превышают суммарное количество жертв и однократных жертв и обидчиков и однократных обидчиков по вопросам о частотности кибербуллинга. При этом 251 человек (35%) отметил, что был жертвой только одного способа травли, 26 (3,1%) – двух способов, 5 (0,7%) – трех способов и 1 (0,1%) – четырех способов. Обидчиками при помощи хотя бы одного способа травли назвали себя 118 человек (16,5%), 9 (1,3%) – двух способов, 3 (0,4%) – трех способов и 1 (0,1%) – четырех способов.

Таблица 4 – Способы совершения кибербуллинга

Способ кибербуллинга	Подвергались кибербуллингу таким способом	Процент	Обижали других таким способом	Процент
Звонок телефона	52	7,3	25	3,5
СМС или ММС	44	6,1	31	4,3
Социальные сети	161	22,5	109	15,2
По электронной почте	11	1,5	13	1,8
Через форумы	53	7,4	51	7,1

Поскольку в исследовании использовались самооценочные опросники, возможно, ответы были искажены из-за эффекта социальной желательности или из-за новизны термина «буллинг» для подростков в русскоязычном пространстве. Другим возможным объяснением может служить высокая распространенность агрессии в Интернете. По данным исследования

Исследовательского центра Пью, около 27% пользователей Интернета столкнулись с оскорблениями, 22% сталкивались с унижениями, 8% подвергались преследованиям, 6% – пережили преследования на сексуальной почве, 8% были жертвами угроз, 7% сталкивались с угрозами длительно [16]. Среди пользователей от 18-24 лет около 65% хотя бы раз в жизни подвергались унижениям онлайн, при этом около 60% жертв не предпринимали никаких ответных шагов, чтобы как-то остановить обидчика. Возможно, следуя этой тенденции, подростки считают унижения и травлю в Интернете обычным явлением, и им трудно идентифицировать себя как жертв или обидчиков кибербуллинга при использовании в исследовании прямых вопросов. Однако известно, что информированность о способах насилия и агрессии и в отношении других людей, и отношении самих себя у детей и подростков, как правило, базируется на опыте вовлечения в соответствующую ситуацию [4; 8]. Поэтому осведомленность о разнообразии способов кибербуллинга может служить маркером для определения позиции участников в кибербуллинге.

Учитывая данный факт, мы приняли решение считать жертвами кибербуллинга тех, кто сталкивался с кибербуллингом хотя бы одним перечисленных способов, а обидчиками – тех, кто хотя бы одним способом третировал других. Число жертв, таким образом, составило 283 человека (39,5%), число обидчиков – 131 (18,3%) человек. Согласно результатам нашего исследования, среди жертв кибербуллинга одинаково представлены мальчики и девочки ($\chi^2=2,530$, $p=.112$). Жертвами можно считать 153 мальчика (42,5% мальчиков) и 130 девочек (36,4% девочек). Среди обидчиков несколько больше мальчиков, но различия не значимые ($\chi^2=3,594$, $p=.060$). Обидчиками выступали 76 мальчиков (21,1% мальчиков) и 55 девочек (15,4% девочек).

Взаимосвязь буллинга и кибербуллинга

В предыдущих исследованиях было обнаружено, что существует корреляция между виктимизацией в ситуации «традиционного» и кибербуллинга, а также корреляция между вероятностями стать обидчиком в обоих контекстах [12]. То есть жертвы буллинга становятся и жертвами преследований в виртуальном пространстве, а обидчики – буллы организуют преследования в сети Интернет и/или с помощью мобильных устройств. В этом исследовании и в ряде других (например, в исследовании детей онлайн [5]) показано, что значительное количество подростков (до 30%), оказавшихся жертвами преследований, выбирают активные стратегии совладания, пытаются отомстить агрессору. Мы предположили, что кибербуллинг в силу затруднений в идентификации личности преследователя и гипотетически более широкого круга наблюдателей насилия выступает для подростков наиболее вероятным способом социального реагирования, в котором можно и отреагировать на негативные переживания, и опробовать новые способы поведения.

Для проверки этого предположения мы сравнили, какое количество жертв, агрессоров, свидетелей и неучастников школьного буллинга оказались обидчиками и жертвами в кибербуллинге. Результаты исследования представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Число обидчиков в кибербуллинге среди участников буллинга

Участник буллинга		Является обидчиком в кибербуллинге		Всего
		Нет	Да	
Неучастник	Кол-во	203	21	224
	%	90,6%	9,4%	100,0%
Жертва	Кол-во	116	43	159
	%	73,0%	27,0%	100,0%
Обидчик	Кол-во	34	11	45
	%	75,6%	24,4%	100,0%
Обидчик-жертва	Кол-во	38	26	64
	%	59,4%	40,6%	100,0%
Свидетель	Кол-во	194	30	224
	%	86,6%	13,4%	100,0%
Всего	Кол-во	585	131	716
	%	81,7%	18,3%	100,0%

Результаты исследования показали, что обидчиками в виртуальном пространстве чаще других становились подростки с неопределенной позицией в буллинге, а именно, жертвы-обидчики: 40,6% подростков, подвергавшихся гонениям в школе и одновременно имевших опыт агрессии, становились преследователями в сети Интернет или/и с помощью мобильных устройств. Среди школьных буллеров и среди тех, кто был жертвой буллинга, этот процент значительно ниже: только каждый четвертый (24,4%) обидчик продолжал оставаться буллером и в виртуальном пространстве; из жертв буллинга 27% попробовали себя в качестве кибербуллеров. Свидетели школьного буллинга становились киберобидчиками в 13,4% случаев. 9,4% подростков-неучастников школьного буллинга пробовали себя в качестве кибербуллеров.

Эти данные свидетельствуют о том, что всем подросткам, независимо от их опыта и позиции в школьном буллинге, свойственны попытки агрессивного поведения в виртуальном пространстве как способ освоения нового социального поведения. Однако те из них, кто в школьном буллинге оказывался и в позиции обидчика, и в позиции жертвы, такие попытки совершают чаще. Можно предположить, что для этих детей кибернападение имеет и дополнительный смысл: как отреагирование на агрессию по отношению к себе в школе, так и получение и подкрепление опыта агрессивного поведения. Для подростков-жертв школьного буллинга кибербуллинг, кроме сказанного, может выступать способом нового поведения в позиции агрессора.

Анализ опыта участников школьного буллинга в позиции жертвы кибербуллинга представлен в таблице 8.

Таблица 8 – Число жертв кибербуллинга среди участников буллинга

Участник буллинга		Является жертвой кибербуллинга		Всего
		Нет	Да	
Неучастник	Кол-во	170	54	224
	%	75,9%	24,1%	100,0%
Жертва	Кол-во	73	86	159
	%	45,9%	54,1%	100,0%
Обидчик	Кол-во	22	23	45
	%	48,9%	51,1%	100,0%
Обидчик-жертва	Кол-во	15	49	64
	%	23,4%	76,6%	100,0%
Свидетель	Кол-во	153	71	224
	%	68,3%	31,7%	100,0%
Всего	Кол-во	433	283	716
	%	60,5%	39,5%	100,0%

Обращает на себя внимание тот факт, что вдвое больше подростков (39,5%) становятся жертвами кибербуллинга, чем обидчиками (18,3%) в целом. При этом существуют различия в частоте нападения на подростков в киберпространстве в зависимости от их позиции в школьном буллинге. Жертвами кибербуллинга является каждый второй подросток, бывший жертвой школьного буллинга (54,1%), и каждый второй школьный обидчик (51,1%). Взаимосвязь буллинга и кибербуллинга, отмеченная во многих исследованиях, представляет собой продолжение в виртуальном пространстве сложившейся системы отношений «лицом к лицу» в детском школьном коллективе и закрепление ролевой позиции жертвы и обидчика.

Каждый третий свидетель школьной травли (31,7%) и каждый четвертый неучастник буллинга в школе (24,1%) становятся жертвами в виртуальном пространстве, что свидетельствует о потенциальной угрозе школьного буллинга благополучию подростков, независимо от их опыта и роли.

Подавляющее большинство подростков (76,6%) с двойственной позицией обидчика-жертвы в школьном буллинге становятся жертвами преследований в виртуальном пространстве. Это обстоятельство показывает драматичность процесса освоения социальных ролей подростком. Неопределенность социального статуса в подростковой группе побуждает подростков к активности, направленной на уточнение этого статуса. Кибербуллинг провоцирует подростка на ответное поведение уже в стенах школы, которое, в свою очередь, может подкрепить статус жертвы или стимулировать ответные агрессивные действия.

Заключение

Таким образом, наше исследование показало, что буллинг в подростковом возрасте представляет собой вид поведения социального экспериментирования, направленного на освоение приемлемых, социально допустимых способов социальной идентификации. Кибербуллинг представляет собой способ реагирования подростка на ситуацию буллинга либо для закрепления роли обидчика, если ребенок уже был буллером в школе, либо для освоения роли обидчика в киберпространстве, если ребенок был жертвой школьного буллинга или имел неопределенную, двойственную позицию обидчика-жертвы.

Ситуация буллинга в школе служит ситуацией социального научения. Если школьное сообщество, прежде всего, в лице педагогов и других взрослых, занимает по отношению к школьному буллингу позицию равнодушия и невмешательства, то подростки продолжают социальные эксперименты в виртуальном пространстве, либо закрепляя уже опробованные способы социального контроля, признания, самоутверждения, либо осваивая новые. Если

рассматривать социализацию подростка как процесс его вхождения в детский и школьный коллектив как типы социальных общностей посредством усвоения социальных ценностей и норм, действующих в них, то опыт участия подростка в буллинге можно рассматривать как деструктивный вариант социализации. Негативное воздействие кибербуллинга, менее доступного педагогическому и родительскому влиянию, может быть нивелировано или существенно ослаблено через воздействие на школьный буллинг. Основываясь на результатах исследований «Дети России онлайн 2009-2011» [5], наше исследование заставляет предполагать, что основные стратегии профилактики буллинга и кибербуллинга в подростковом возрасте связаны между собой и должны быть направлены на изменение поведения всех субъектов образовательного пространства, прежде всего, взрослых: педагогов и родителей. Поведение подростков как поведение социального экспериментирования нуждается в разработке и включении в образовательный процесс действенных механизмов обратной связи, в содержании которой должны быть представлены позиции ненормативности буллинга, разрушительности его воздействия как на жертву, так и на обидчиков, свидетелей и неучастников буллинга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. №3(11). С. 177-191.
2. Волкова И.В. Характеристики подросткового буллинга и его определение // Вестник Мининского Университета. 2016. №3. С. 25.
3. Выготский Л.С. Проблема возраста // Собрание сочинений. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. С. 244-269.
4. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2000. 624 с.
5. Солдатова Г., Рассказова Е., Зотова Е., Лебешева М., Роггендорф П. Дети России онлайн: риски и безопасность. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России. М., 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://detionline.com/assets/files/helpline/RussianKidsOnline_Final%20ReportRussian.pdf (дата обращения: 03.07.2017).
6. Фельдштейн Д.И. Трудный подросток. М.: МПСИ, 2008. 206 с.
7. Эльконин Д.Б., Драгунова Т.В., Захарова А.В., Боцманова М.Э. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков. М.: Просвещение, 1967. 360 с.
8. Bandura A. Social learning theory. Eaglewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1977. 247 p.
9. Child Helpline International. Voices of children and young people: heard and unheard. 2015 Data from Child Helplines in Europe. Amsterdam, 2016 [Electronic resource]. Available at: http://orgchi-tukhnakal.savviihq.com/wpcontent/uploads/2017/05/voices_of_children_and_young_people_-_europe.pdf (accessed: 03.07.2017).
10. Heirman W., Walrave M. Assessing Concerns and Issues about the Mediation of Technology in Cyberbullying // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2008. Vol. 2. No. 2. Pp. 1-18.
11. Mehari K.R., Farell A.D., Le A.T.H. Cyberbullying Among Adolescents: Measures in search of a construct // Psychology of Violence. 2014. Vol. 4. No. 4. Pp. 399-415.
12. Modecki K.L., Minchin J., Harbaugh A.G., Guerra N.G., Runions K.C. Bullying Prevalence Across Contexts: A Meta-analysis Measuring Cyber and Traditional Bullying // Journal of Adolescent Health. Vol. 55. No. 5. Pp. 602-611.
13. Olweus D. Bully/victim problems in school: facts and intervention // European Journal of Psychology of Education. 1997. Vol. XII. No. 4. Pp. 495-510.
14. Olweus D. The Olweus Bully/Victim Questionnaire. Bergen, Norway: University of Bergen, 1986.

15. Patchin J.W., Hinduja S. Summary of Cyberbullying Research (2004-2016) [Electronic resource]. Available at: <http://cyberbullying.org/summary-of-our-cyberbullying-research> (accessed: 03.07.2017).
16. Pew Research Center. Online Harassment. 2014 [Electronic resource]. Available at: <http://www.pewinternet.org/2014/10/22/online-harassment/> (accessed: 03.07.2017).
17. Smith P., Mahdavy J., Carvalho M., Fisher S., Russell S., Tippet N. Cyberbullying: its nature and impact in secondary school pupils // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2008. Vol. 49. No. 4. Pp. 376-385.
18. Strabic N., Milakovic A.T. Cyberbullying among children and its comparison to traditional forms of peer violence // *Criminology & Social Integration Journal*. 2016. Vol. 24. No. 2. Pp. 184-201.

REFERENCES

1. Bochaver A.A., Hlomov K.D. Cyberbullying: persecution in the space of modern technologies. *Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki*, 2014, no. 3(11), pp. 177-191 (in Russian).
2. Volkova I.V. Characteristics of teenage bullying and its definition. *Vestnik Mininskogo Universiteta*, 2016, no. 2, pp. 25 (in Russian).
3. Vygotskij L.S. The problem of age. *Sobranie sochinenij. T. 4. Detskaja psihologija* [Collected works. 4. Child psychology]. Moscow, Pedagogika, 1984, pp. 244-268 (in Russian).
4. Rajs F. Psychology of adolescence and adolescence. St. Petersburg, Peter Publ., 2000. 624 p. (in Russian).
5. Soldatova G., Rasskazova E., Zotova E., Lebesheva M., Roggendorf P. Children of Russia online: risks and safety. The results of the international project EU Kids Online II in Russia. Moscow, 2012 Available at: http://detionline.com/assets/files/helpline/RussianKidsOnline_Final%20ReportRussian.pdf (accessed 03.07.2017) (in Russian).
6. Fel'dshtejn D.I. Difficult teenager. Moscow, MPSI Publ., 2008. 206 p. (In Russian).
7. Jel'konin D.B., Dragunova T.V., Zaharova A.V., Bocmanova M.Je. Age and individual characteristics of younger adolescents. Moscow, Prosveschenie Publ., 1967. 360 p. (In Russian)
8. Bandura A. Social learning theory. Eaglewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1977. 247 p.
9. Child Helpline International. Voices of children and young people: heard and unheard. 2015 Data from Child Helplines in Europe. Amsterdam, 2016 [Electronic resource]. Available at: http://orgchi-tukhnakal.savviihq.com/wpcontent/uploads/2017/05/voices_of_children_and_young_people_-_europe.pdf (accessed: 03.07.2017).
10. Heirman W., Walrave M. Assessing Concerns and Issues about the Mediation of Technology in Cyberbullying // *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. 2008. Vol. 2. No. 2. Pp. 1-18.
11. Mehari K.R., Farell A.D., Le A.T.H. Cyberbullying Among Adolescents: Measures in search of a construct // *Psychology of Violence*. 2014. Vol. 4. No. 4. Pp. 399-415.
12. Modecki K.L., Minchin J., Harbaugh A.G., Guerra N.G., Runions K.C. Bullying Prevalence Across Contexts: A Meta-analysis Measuring Cyber and Traditional Bullying // *Journal of Adolescent Health*. Vol. 55. No. 5. Pp. 602-611.
13. Olweus D. Bully/victimproblems in school: facts and intervention // *European Journal of Psychology of Education*. 1997. Vol. XII. No. 4. Pp. 495-510.
14. Olweus D. The Olweus Bully/Victim Questionnaire. Bergen, Norway: University of Bergen, 1986.
15. Patchin J.W., Hinduja S. Summary of Cyberbullying Research (2004-2016) [Electronic resource]. Available at: <http://cyberbullying.org/summary-of-our-cyberbullying-research> (accessed: 03.07.2017).
16. Pew Research Center. Online Harassment. 2014 [Electronic resource]. Available at: <http://www.pewinternet.org/2014/10/22/online-harassment/> (accessed: 03.07.2017).

17. Smith P., Mahdavy J., Carvalho M., Fisher S., Russell S., Tippett N. Cyberbullying: its nature and impact in secondary school pupils // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2008. Vol. 49. No. 4. Pp. 376-385.
18. Strabic N., Milakovic A.T. Cyberbullying among children and its comparison to traditional forms of peer violence // Criminology & Social Integration Journal. 2016. Vol. 24. No. 2. Pp. 184-201.

© Волкова Е.Н., Волкова И.В., 2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волкова Елена Николаевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия. Email: envolkova@yandex.ru

Волкова Ирина Владимировна – научный сотрудник Института психологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия. Email: atrila@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Volkova Elena Nikolaevna – Ph.D. in psychology, professor, department of educational and developmental psychology, Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia. Email: envolkova@yandex.ru

Volkova Irina Vladimirovna – Ph.D. in psychology, research fellow, Institute of Psychology, Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia. Email: envolkova@yandex.ru